

Л.П. Боголепов

**Больные корни современной
Русской жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.П. Боголепов**
Больные корни современной Русской жизни / Л.П. Боголепов – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 123 с.

ISBN 978-5-517-97141-8

ISBN 978-5-517-97141-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Больные корни современной русской жизни.

ГЛАВА I.

Стародержавцы и новодержавцы.

Уже сорокъ лѣтъ, если не болѣе, мы переживаемъ болѣзненное броженіе въ нашей общественной и государственной жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе это броженіе перешло въ революціонное движеніе, вѣдомое, вопреки примѣрамъ другихъ народовъ, столь юнымъ поколѣніемъ, студентами и даже гимназистами, что его по праву можно назвать *революціей митрофанушекъ*. Подобный составъ революціонныхъ дѣятелей сейчасъ же окрасилъ ихъ дѣло цвѣтомъ самаго грубаго фанатизма. Вторая половина разсматриваемаго періода залита кровью министровъ, недавно великаго князя Сергѣя Александровича и даже царя, Александра II-го. И всѣ эти смертоубійства изъ-за угла дѣлались во имя свободы. Свобода, добываемая кровавымъ насиліемъ! Это мнѣ напоминаетъ вора, который вытаскиваетъ кошелекъ изъ чужого кармана и кричить: „Господа, мы должны быть честны! „Маленькій мозгъ митрофанушки такихъ пустяковъ, понятно, не принимаетъ во

вниманіе. Зато въ немъ крѣпко застѣли воспомина-
нія восторговъ папаша и учителя исторіи предъ
французской революціей. Ея кровавыя страницы,
этотъ стыдъ исторіи французскаго народа, для ми-
трофанушки священные образцы революціи. Онъ,
разумеется, не въ состояніи взвѣсить то маленькое
обстоятельство, что французская звѣроподобная ре-
волюція была 100 лѣтъ тому назадъ. За это время
люди должны бы сдѣлаться болѣе человѣчными въ
выборѣ средствъ политической борьбы. Впрочемъ,
весьма возможно, что эти разсужденія совершенно
излишни. Очень можетъ быть, что наши недоросли
дѣйствительно нисколько не выросли за эти 100
лѣтъ и остаются такими же дикарями, какъ фран-
цузы времени ихъ революціи.

Но дѣти не были бы такими, если бы взрослые
были иными. Митрофанушки только побѣги отъ ста-
рыхъ корней. А послѣдніе принадлежатъ тому ядру
русскаго образованнаго общества, которое именуется
„интеллигенціей“. Такое нерусское названіе по спра-
ведливости надо бы оставить за этимъ именно ядромъ
съ его нерусскими мечтами. Интеллигентъ больше
всего боится быть русскимъ. Онъ презираетъ все
русское и благоговѣетъ предъ европейскимъ. Эта раб-
ская кучка глубоко вѣритъ, что если мы, русскіе,
надѣпемъ клѣтчатыя англійскіе штаны, французскій
цилиндръ, будемъ пить кофе, заведемъ конституцію,
то очень быстро превратимся въ культурную націю,
и у насъ все пойдетъ, какъ у нѣмца или англича-
нина. О, святая простота!

Изъ этой-то умственно и нравственно выродив-

шейся кучки выросло *политическое митрофанство*. Здѣсь оно имѣетъ свои корни. Отсюда оно размножается и заражаетъ другіе слои русскаго общества. И это зараженіе ужасно, потому что оно ничего не даетъ органическаго. Оно дѣйствуетъ только какъ бродило, разлагая государственный строй, а не улучшая его, разлагая семью, нравственные устои, религію, народныя воззрѣнія, языкъ, русскую мысль. Что же оно даетъ взамѣнъ всего этого? Ничего кромѣ туманныхъ принципіальныхъ настроеній и списываній съ иностранныхъ порядковъ.

Посмотримъ теперь на другое, не менѣе фанатическое теченіе, несущее знамя или, вѣрнѣе говоря, прикрывающееся имъ, со словами: „самодержавіе, православіе, народность“. Прекрасное знамя! Но кто его держитъ? Слѣпой фанатикъ, не видящій жизни, не понимающій ни содержания, ни границъ правильныхъ начертаній своего знамени.

Само собою разумѣется, два эти воинствующія направленія выдѣляютъ своихъ крайнихъ представителей—анархизма и деспотизма. Остальная часть русскаго народа, громаднѣйшая, можетъ быть $\frac{9}{10}$ его, вѣруя въ начертаніе знамени стародержавцевъ, стоитъ въ сторонѣ отъ политической борьбы послѣднихъ съ новодержавцами. Уже много разъ подвергавшійся разнымъ неудачнымъ опытамъ бѣдный русскій народъ опять готовится для экспериментовъ. Но, господа экспериментаторы, остановите вашу руку! Предъ вами не животное, а 150-милліонный народъ. Если вы еще не совѣмъ обезумѣли въ своемъ фанатизмѣ, обратитесь къ своей совѣсти и остаткамъ

рааума и провѣрьте сперва, что вы сами за величина.

Обращаясь къ представителямъ двухъ обозначенныхъ партій, стародержавцевъ и новодержавцевъ, я имѣю въ виду конечно только тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ съ чистою вѣрою въ свое дѣло. Въ той и другой партіи не мало вожаковъ, видящихъ въ обѣихъ партіяхъ только средство для достиженія своихъ національныхъ или личныхъ цѣлей. Къ этому отребью моя рѣчь не можетъ относиться.

Займемся теперь вопросомъ о происхожденіи, какъ новодержавцевъ, такъ и стародержавцевъ.

Давнее то время, до сороковыхъ годовъ. Дворянство наше представляло тогда удивительную мозаику обычаевъ и взглядовъ. Воспитанное иностранными гувернерами, нерѣдко начинавшее и окончивавшее свое образование за границей, усвоивавшее тамъ не только внѣшнія привычки, одежду, кухню, но даже рѣчь, государственныя, богословскія и философскія воззрѣнія, оно совершенно оторвалось отъ своей родины. Между тѣмъ жизнь среди своихъ русскихъ рабовъ, среди наслѣдственныхъ угодій, прививала ему совершенно особыя привычки. Отсюда россійскій *Мирабо*, съ наклоностью къ мордобитію, *Вольтеръ*, коптящій свои хоромы лампаднымъ масломъ, проповѣдникъ гуманности, преспокойно поровшій своихъ крестьянъ на конюшнѣ. Обезпеченное вполнѣ трудомъ своихъ рабовъ, русское дворянство предавалось праздности, пиршествамъ, борзымъ охотамъ, картежничеству. Однимъ словомъ, изъ жизни слагалась забава. Денегъ не считали. Когда не хва-

тало, закладывали, продавали имѣнія, лѣса, людей. Своимъ прямымъ и важнымъ дѣломъ — сельскимъ хозяйствомъ — рѣдко кто занимался основательно и современно. Хозяйничали въ имѣніяхъ приказчики, управляющіе. Вырастали поколѣнія съ университетскимъ образованіемъ, и еще болѣе дворяне отдалялись отъ своихъ земледѣльческихъ занятій. Большинство изъ нихъ устраивалось въ столицахъ, занимая различныя государственныя должности, рѣдко заглядывая въ деревню. Къ этому ядру образованныхъ дворянъ понемногу прислаивались жаждавшія образованія дѣти низшихъ чиновниковъ, поповичи, мѣщане, а нѣсколько позднѣе — и крестьяне. Всѣ вмѣстѣ они доставляли государству чиновниковъ, судей, врачей, инженеровъ, архитекторовъ, учителей, профессоровъ, военныхъ, моряковъ и т. д. Такимъ образомъ ядро образованнаго русскаго общества вышло изъ дворянства и перешло затѣмъ въ другія сословія. Это — данныя очень большой важности. Дворяне были руководителями другихъ сословій. Естественно, какъ это и всегда бываетъ, такое передовое сословіе передало своимъ послѣдователямъ и подражателямъ многія свои отрицательныя качества: презрѣніе къ физическому труду, обычай окружать свою семью многочисленной дворней, любовь къ праздному препровожденію времени, слишкомъ роскошную не по средствамъ жизнь, стремленіе ко всему иноземному, начиная съ платья и кончая модными литературными и научными теченіями, недовѣріе къ русскому — даже болѣе — отвращеніе. Я бы могъ привести множество примѣровъ, подтверждающихъ мое

обличеніе. До сихъ поръ передъ моими глазами стоитъ чопорная фигура профессора-англомана. Онъ всегда пилъ до черноты крѣпкій чай, носилъ англійскіе бачки и костюмъ, жену свою возилъ каждый годъ въ Англію, куда она отъ него въ концѣ-концовъ и сбѣжала. Очень многимъ вѣроятно приходилось встрѣчать аристократокъ, говорящихъ порусски — какъ иностранка, а пофранцузски — какъ французенка. Это считалось очень хорошимъ тономъ. Полная выдержка его требовала отличнаго французскаго произношенія, порядочнаго англійскаго, плоховатаго нѣмецкаго и сквернаго русскаго. Потомъ мода измѣнилась. Требовался отличный англійскій языкъ, хорошій французскій, плохой нѣмецкій и скверный русскій. Постоянство въ одномъ: презрительное отношеніе къ родному языку. Чистая русская рѣчь употреблялась только, когда надо было сквернословить, т.-е. въ обращеніи съ простымъ народомъ. Съ нѣкоторыми послабленіями такое влеченіе къ иностраннымъ языкамъ перешло и во все остальное образованное русское общество. Французскій языкъ сталъ главнымъ признакомъ образованности. Очень нерѣдко этимъ признакомъ только и ограничивались. „Мерси“ и „пардонъ“ даже слышалось среди лакеевъ и горничныхъ. Мода на „заграницу“ была такъ велика, что вслѣдъ за дворянами потянулись туда и другія сословія. Поѣхало все мало-мальски имущее и даже неимущее. Оттуда везли наряды, языкъ, нерусскіе политическіе взгляды, нерусскую технику, нерусскую литературу, науку. Со всѣмъ этимъ сжились, какъ съ роднымъ, и сами стали уже нерус-

скими. Все нерусское стало роднымъ, все русское— чуждымъ. Никакое русское начинаніе не находило довѣрія и поддержки. Замѣчательныя русскія открытія, изобрѣтенія, пропадали на родинѣ и искали сочувствія и пріюта у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ.

Что касается въ частности иностранной литературы, то она имѣла повелѣвающее вліяніе на умственный складъ и возрѣнія нашего образованнаго общества. Если до 40-хъ годовъ замѣчается преимущественное вліяніе французскихъ беллетристовъ и философовъ, то послѣ нихъ нѣмецкая литература и наука, особенно философія, положительно поработили русскаго умственника. Вездѣ нѣмецъ, нѣмецъ и нѣмецъ. Отдаться въ такое рабство, въ какое мы отдались ему, это недостойно, это стыдно для маломальски способнаго народа. Обыкновенно возражаютъ, что дѣлается это по необходимости: все у нѣмца и ничего у насъ. Но давно было бы все и у насъ при громадныхъ нашихъ способностяхъ ко всѣмъ отраслямъ знанія, если бы мы больше вѣрили себѣ и больше уважали себя, меньше бы перенимали, а больше бы создавали. *Живописецъ никогда не будетъ художникомъ, если будетъ только срисовывать. Никогда народъ не скажетъ своего слова человечеству, пока не перестанетъ перенимать, пока не начнетъ создавать.* Между тѣмъ рабское подчиненіе западной мысли укрѣпило уже у насъ свое губительное воздѣйствіе. Даже лучшіе умы наши носятъ на себѣ слѣды его. Абсолютизмъ *Л. Н. Толстою* нашелъ свои корни, кромѣ религіи, несомнѣнно въ нѣмецкой философіи.

О дюжинныхъ, рядовыхъ умахъ, и говорить нечего. Они подчиняются безъ критики, рабски, не видя ни слабыхъ сторонъ гипотезъ естественныхъ наукъ, ни искусственности философскихъ построений, ни шаткости положеній политической экономіи, съ предвзятой мыслью выжатыхъ изъ скуднаго и методологически неправильно разработаннаго матеріала. Между тѣмъ скороспѣлые финансисты ставятъ ихъ въ основаніе преобразованія цѣлой нашей страны, стоящей въ совершенно особыхъ условіяхъ по своей культурѣ, географіи и историческимъ задачамъ. Вообще еще науки, исключая математику и вспомогаемая ею, находятся въ періодѣ броженія. Точныхъ, незыблемыхъ положеній еще очень мало.

Между тѣмъ наши наивные умцы въ своемъ дикарскомъ обожаніи всего западнаго съ чисто дикарскимъ легкомысліемъ набрасываются на всякое временное политическое или научное теченіе, принимаютъ его за непреложно-истинное, съ фанатизмомъ ему слѣдуютъ, готовые все сокрушить кругомъ, чтобы перестроить сообразно прочитаннымъ въ книжкѣ теоріямъ. И сколько было такихъ попытокъ въ нашей государственной, общественной и частной жизни, и сколько крушеній онѣ потерпѣли!

Что замѣчательно! Въ то же время всякій прогрессъ русской мысли этими рабскими умами осмѣивается, оплевывается и уже по крайней мѣрѣ пренебрегается. Еще за десять лѣтъ до *Уатта* изобрѣтена паровая машина мастеровымъ *Ползунковымъ*. Она работала въ 1760 году на Змѣиногорскомъ рудникѣ на Уралѣ. Еще до 1837 года была построена желѣзная дорога

мастеровымъ Нижнетагильскаго завода *Черепановымъ*. За 20 слишкомъ лѣтъ до *Бессемера*, малограмотный мастеровой *И. Ф. Макаровъ* получилъ литое желѣзо. Въ 1801 году уже изобрѣтенъ велосипедъ мастеровымъ *Артамоновымъ*. Это было давно. Можетъ быть, мы стали самостоятельнѣе теперь, освободились изъ европейскаго рабства, выросли въ своемъ сознаніи, уважаемъ себя, бережемъ свой геній? Ничуть не бывало. Въ послѣдніе десятки лѣтъ масса русскихъ изобрѣтеній не нашла дома признанія и примѣненія, но принята и дорого оплачена за границей. Въ самыя послѣдніе годы нѣсколько цѣнныхъ изобрѣтеній, чрезвычайной важности даже для настоящей войны, не признаны нужными, важными, стоящими вниманія и или пропали, или попали за границу.

Въ 1883 году *В. Ѡ. Прокофьевъ* изобрѣлъ дальномѣръ, чрезвычайно удобоносимый, чрезвычайно простой и точный. Расчетъ автора въ своей вѣрности удостовѣренъ Техническимъ обществомъ. Онъ послалъ проектъ въ Гл. Штабъ и просилъ помочь ему осуществить его. Ему ничего не отвѣчали. Уже пять лѣтъ *Г. Тилле* проситъ разныя прикосновенныя учрежденія, чтобы у него купили изобрѣтенный имъ *фотографическій съемщикъ* мѣстностей, практичность и выгодность котораго вполне удостовѣрена, и ничего не можетъ добиться. Между тѣмъ американцы ему даютъ въ 5 разъ больше, чѣмъ онъ проситъ съ русскихъ. Въ самое послѣднее время *Балаховскій* изобрѣлъ электрической очень легкой двигатель, и онъ уже купленъ во Франціи, а не въ Россіи. Другой его, керосино-электрической, двигатель можетъ сдѣ-

лать цѣлый переворотъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и уже испытывается фирмой *Вестингаузъ-Викеръ и Максимъ*. Въ Россіи на него не обратили никакого вниманія. Лѣтъ 20 назадъ изобрѣтена и отлично маневрировала подводная лодка *Александровскаго*. Ее опустили, повидимому намѣренно, на большую глубину; ну, понятно, ее раздавило, а изобрѣтатель остался только при своихъ горькихъ мечтахъ. Припомните кстати воздушный корабль *Цюлковскаго*. Вотъ вамъ кусочекъ похороннаго листа нашего несчастнаго русскаго генія за старое и новое время. За 200 лѣтъ мы остались такими же рабами западно-европейской мысли и дикарями по своему самосознанію. Та же самая преступная дикарская расправа производится надъ школами, законами, цѣлыми учрежденіями. Русское только по названію, на самомъ дѣлѣ совершенно облыностранившееся, наше умство срубаетъ русское народное дерево и прививаетъ ему австрійскіе, нѣмецкіе, французскіе черенки. Но вѣдь яблонѣ нельзя привить крапивы! Надо сперва изучить свое-то дерево. А вы его не знаете. Между тѣмъ прививаете. Можно дѣлать подобные опыты съ деревомъ, но съ народомъ... съ своимъ народомъ... съ этимъ талантливымъ, покорнымъ ребенкомъ, который вполне вамъ довѣряетъ... это нечестно!

Вотъ изъ этой-то самой интеллигенціи выходятъ сановники, чиновники, профессора, учителя, врачи, инженеры, военные и т. д. — всѣ тѣ дѣятели, которые составляютъ мозгъ народа! Они—его умъ, они—его самосознаніе. Но что это за самосознаніе? Это—самосознаніе птицы, приданное медвѣдю. Его заставляютъ